

Адриана
Мэзер

*Ее судьба –
играть
со смертью.*

*Преследуй
Счастье*

Adriana Mather

HUNTING
NOVEMBER

Адриана Мэзер

Треседедур
Ладорь

Это выдуманная история. Имена, личности, места и события — вымысел или плод воображения автора. Всякое сходство с реальными местами или событиями, а также людьми, живыми или уже умершими, совершенно случайно.

Светлой памяти моего кота Шарля, обладателя маленькой головы и длинного хвоста, гибких плеч, как у белки-летяги, и разноцветных глаз. Каждую ночь он спал на моей подушке, а по утрам кусал меня за голову, предупреждая, что проголодался.

Когда он был котенком, я носила его в кармане кофты. Когда он подрос, то клал голову мне на плечо. Он был моим идеальным котом, а я была его хозяйкой. Никогда не забуду, как мне нравилось его тискать.

ГЛАВА 1

В ДЕТСТВЕ, КОГДА МЕНЯ СПРАШИВАЛИ, кем я стану, когда вырасту, я выдумывала самые разные ответы. Одной учительнице я сказала, что хочу быть диванным овощем и целыми днями валяться под пледом в гостиной. Маме своей лучшей подруги Эмили сообщила, что буду дегустатором печенья, потому что об этом мечтала сама Эмили. А папе ответила, что хочу стать ножом, чтобы разрезать горячие бутерброды с сыром на два аккуратных треугольничка, а не на четыре дурацких квадрата, как всегда делал он. Ясное дело, услышав такой ответ, папа нахмурился и принялся объяснять, что *девочка* — живое, дышащее существо, которое можно *разрезать*, а *нож* — острый кусок стали, который как раз таки *режет*. Но теперь я знаю: почти все в моем детстве было ложью, и оттого мне кажется, что я неспроста была тогда одержима ножами. За последние несколько недель в Академии Абскондита я здорово приблизилась к тому, чтобы стать ножом — или же от него погибнуть.

Закрываю за собой дверь в лечебницу и иду по пустому, освещенному факелами коридору. Закапываю рукав и гляжу на повязку у себя на руке:

медсестра наложила на рану что-то вроде толстого компресса, пахнущего глиной и сосновой хвоей. Она все повторяла, как мне повезло, что я не погибла, свалившись с дерева, и даже ничего не сломала. Поцокав языком, она заключила: «Вы, молодежь, все воспринимаете как должное». Конечно, она не стала бы распространяться насчет везения, если бы знала, что меня сбросили с дерева, поскольку Семья Львов хочет меня убить.

Заворачиваю за угол, в очередной пустой коридор, и вижу, что в нем абсолютно темно: факелы догорели. Останавливаюсь, с подозрением вглядываюсь в тлеющие угольки в оголовке одного из факелов. Разве погасшие факелы не должны заменять? И где охранники? Обычно в каждом коридоре Академии дежурит охранник. Хмурюсь, гадая, не лучше ли будет вернуться в лечебницу, но тут слышу слабый булькающий звук.

Тяну вперед шею, не решаясь войти в темноту, как будто она может укусить. Еще мгновение стоит полная тишина, и я решаю, что мне показалось. А потом слышу отрывистый кашель — и чувствую резкий прилив адреналина.

— Ноябрь! — зовет сдавленный голос.

Внутри у меня все сжимается. Этот голос мне знаком.

— Аш?! — кричу я.

Отметя сомнения, со всех ног бросаюсь во тьму. Ботинки ритмично стучат по каменному полу, дыхание становится все более отрывистым. Бегу на измученный голос Аша, касаясь рукой стены, чтобы не сбиться с пути.

Впереди слева под закрытой дверью замечаю полосу света. Чем ближе я к ней, тем громче становятся придушенные вскрики. Нащупываю в темноте задвижку, всем телом напираю на толстые доски. Стонут петли, дверь открывается, я вваливаюсь внутрь — и замираю на месте так резко, что чуть не падаю.

Пытаюсь совладать со сбившимся от бега дыханием. Передо мной огромный зал с каменными стенами и высоким сводчатым потолком. Странно, но мебели в зале нет, только в дальнем конце виднеется возвышение, а на нем роскошное широкое кресло, похожее скорее на трон. Но застыла на месте я вовсе не из-за того, что это помещение странно выглядит или странно обставлено. А из-за *трупов*.

Быстро оглядываю широкое пространство пола и закрываю рот рукой, чтобы не закричать. Почти все тела здесь принадлежат людям, которых я никогда не видела, — целое море незнакомых лиц с чертами, искаженными агонией. Но потом я замечаю в дальнем углу Аша. Он хватается за горло, изо рта у него идет пена. Рядом с ним лежит Лейла, за ней Инес, Аарья, Маттео. Все они разметались, все не двигаются, у всех выгнуты спины, а на горле виднеются кровавые раны. А перед ними, спиной ко мне, стоит высокий седой мужчина. Он принимается хохотать — громко, заливисто.

— Нет-нет-нет... — бормочу я на одном дыхании. Пульс колотится в висках. Судорожно кружусь среди трупов. Ноги заплетаются от ужаса.

Лейла по-прежнему держится тонкими пальцами за горло, словно пытаюсь вдохнуть, но глаза

у нее закрыты, и она не движется. Я вскрикиваю, споткнувшись о чью-то руку, и чуть не падаю, но тут же выпрямляюсь, лишь на миг коснувшись пальцами холодного каменного пола. Аш встречается со мной взглядом, и я вижу в его глазах отчаяние. Задыхаясь, он раскрывает рот, тянется ко мне.

Седовласый мужчина глядит, как Аш корчится у его ног.

— Что вы с ними сделали? — кричу я, проталкивая слова сквозь ком в горле.

Он склоняется к Ашу, держа в руке маленький синий пузырек. «Яд», — думаю я и хочу завопить, чтобы он прекратил, чтобы остановился, но звуки никак не складываются в слова, и у меня получается лишь жалкий всхлип.

— Что *мы* сделали, Новембер? — не оборачиваясь, отвечает мужчина. Голос его напоминает урчание толстого кота.

Он подносит пузырек к губам Аша, но Аш на него не смотрит. Он не сводит потрясенного взгляда с моей руки. Проследив за его взглядом, я вижу в своей ладони такой же маленький синий пузырек.

Мужчина вливает Ашу в рот жидкость из пузырька, и я захожусь криком.

* * *

— Новембер?

Я подскакиваю, взмахнув руками, и вцепляюсь в серую бархатную подушку. С губ слетает крик, но теперь он звучит приглушенно, неуверенно.

Аш хватает меня за плечи и усаживает на диване.

— Я не... — говорю я и осекаюсь. Ничего не понимаю. Я страшно напряжена, а сердце по-прежнему колотится так, словно пробежала спринт.

— Посмотри по сторонам, Новембер. И дыши, — спокойно говорит Аш, и я слушаюсь.

Быстро осмотревшись, обнаруживаю горящий камин, столик для завтрака у окна, бордовые светозащитные шторы, Аша: он жив и сидит рядом со мной на диване, в гостиной, которую я делю с Лейлой. Все выглядит как обычно — но ощущение ужаса по-прежнему меня не оставляет. Толком не понимаю почему, но *точно* знаю одно: все, что случилось во сне, произошло из-за меня.

— Ты был... — начинаю я неуверенным, дрожащим голосом. — И это все я... — Осекаюсь, не зная, как описать словами то, что мне снилось. Глубоко вдыхаю, опускаю плечи. *«Это был кошмар. Просто дурной сон. Никто не погиб»*, — убеждаю я себя, но тревожное предчувствие, подобно плохому послевкусию, никуда не исчезает. — Я не помню, как уснула, — говорю я, тру лицо руками и понимаю, что обливаюсь потом.

Аш смотрит на меня, отпускает мои плечи, но не отсаживается. Его прямые черные волосы аккуратно прикрывают виски, глаза пристально глядят из-под длинных ресниц. После вчерашней драки он тоже весь покрыт ссадинами и синяками, но все равно выглядит спокойнее и изысканнее, чем я в свои лучшие деньки. Чем дольше я смотрю на него, тем более виноватой себя чувствую. Может,

то, что было во сне, неправда — но мы с Ашем действительно чуть не погибли, и тоже из-за меня.

— Я боялся тебя разбудить, поэтому не стал относить в спальню, — говорит он, но про дурной сон не спрашивает.

Как ни странно, он ничего не собирается у меня выпытывать. Я уже успела понять, почему Стратеги хранят свои Семейные тайны, но по-прежнему не могу привыкнуть к тому, как они сдержанны, как контролируют собственные чувства. Если бы на месте Аша сейчас оказалась моя лучшая подруга Эмили, она не просто настояла бы, чтобы я пересказала свой сон во всех подробностях, но и обсуждала бы его со мной, пока мы не решили бы, что он может значить только одно: прическа у меня сегодня будет ужасная.

Гляжу на закрытую дверь в спальню Лейлы.

— Она легла с час назад, — отвечает Аш на не заданный мною вопрос.

Снова поворачиваюсь к Ашу и замечаю, что вид у него встревоженный.

— Но ты ложиться не стал, — говорю я, радуясь, что он этого не сделал. Когда я только приехала в Академию Абскондители, отношения у нас не заладились, но со временем я научилась по-настоящему доверять Ашу.

— Мне нужно было все обдумать, — отвечает он с легкой улыбкой, и, пусть даже это правда, я понимаю, что не только по этой причине он решил просидеть у нас на диване всю ночь. Если бы на его месте был любой другой парень, а мне только что не приснился самый жуткий в жизни кошмар,

я бы непременно принялась утверждать, что ему просто хотелось побыть со мной рядом. Но я знаю Аша и понимаю, что причины у него были куда менее романтические: он хотел убедиться, что никто не зарежет меня во сне.

— Обдумать? Что именно? — спрашиваю я.

— Мы совершенно не представляем, кто еще знает о твоём отце, — говорит Аш, сразу возвращаясь назад, к теме конфликта, связанного с моей семьей, и разрушая тот хрупкий покой, который я только начала ощущать.

Пора бы мне уже привыкнуть, что в Академии покой не в почете. Здесь учат не школьным предметам, а выживанию, а ученики не заводят друзей, но старательно подбирают себе союзников. Все это я узнала на собственном опыте, когда обнаружила, что самая могущественная Семья Стратегов за что-то мстит моему отцу. В придачу выяснилось, что некоторые ученики — и даже один из учителей, по совместительству оказавшийся папиным братом, — готовы убить меня, лишь бы доказать свою преданность этой самой Семье.

— Доктор Коннер явно *что-то* знал, — продолжает Аш, — но вот Львы в целом... Думаю, они охотятся за твоей семьей по конкретной причине, и, если мы хотим разыскать твоего отца, нам придется выяснить, что это за причина.

При упоминании Львов у меня перед глазами опять встают окровавленные тела из моего сна. Тут же отворачиваюсь — и меня снова с головой захлестывает чувство вины за то, что я втянула во все это Аша. Тру глаза кулаками.

— Хочешь сказать, Львы преследуют меня и моего отца по причине, *не* связанной с историей любви моих родителей?

— Да, — отвечает он. — Просто подумай. Твоя мать была из Медведей, а отец — из Львов. Двадцать пять лет назад они полюбили друг друга и решили бросить все, покинуть свои Семьи, отказаться от лидерских притязаний и податься в бега. — Он замолкает, с нежностью смотрит на меня. — Но подосланные Львами ассасины убили твою маму, когда тебе было...

— Шесть, — подсказываю я и удобнее усаживаюсь на диване.

— То есть одиннадцать лет назад, — продолжает Аш. — Но скажи, ты вообще подозревала об угрозе со стороны Львов? Еще до того, как убили твою тетю, а отец отправил тебя сюда?

Морщу лоб, перебирая в уме воспоминания детства, пытаюсь понять, казался ли папа когда-нибудь встревоженным, напуганным, ища в памяти указания на то, что за нами охотились Львы. И мотаю головой:

— Если честно, нет. Если бы угроза была, мы бы переехали. Ну, то есть после маминой смерти нам, конечно, пришлось нелегко, но в целом мы были счастливы и вели простую, спокойную жизнь. — Я говорю все тише. И замечаю, что сказала «были счастливы» — в прошедшем времени.

Аш кивает с таким видом, будто я подтвердила его догадку.

— Вот видишь, события разнесены во времени. Первоначальное исчезновение твоих родите-

лей, убийство твоей матери, недавнее убийство тети, — поясняет он.

Долго гляжу на него, пытаюсь собраться с мыслями.

— Хочешь сказать, Львы не охотились на нас все это время?

— Я не говорю, что этого точно не было, и все-таки вряд ли ресурсы на это выделяли постоянно, на протяжении всех двадцати пяти лет. Скорее Львы наносили очередной удар после какого-то другого события, чего-то, позволявшего получить информацию о перемещениях твоей семьи. Исправь меня, если я ошибаюсь, но, если судить по нашим с тобой разговорам, ты всю жизнь прожила в маленьком городке, где-то в глуши, и совсем не скрывалась, а полноценно участвовала в местной жизни. — Он ждет, что я возражу, но я молчу, и он продолжает: — Вот почему мне не кажется, что вам все время грозила опасность. Наоборот, вы были в безопасности.

Прикусив большой палец, принимаюсь искать в его теории слабые места, но ничего подобного не обнаруживаю.

— Ладно, допустим, ты прав, — отвечаю я. — Но как тогда они отыскивали тетю Джо? Что изменилось?

— Вот именно, об этом-то я и говорю, — кивает Аш. — Что-то изменилось. И я считаю, что эти перемены связаны с тем, чем сейчас занят твой отец.

Шумно выдыхаю. Меня снова охватывает страх за отца. *«Хорошо хоть, — думаю я, — что доктора Коннера больше нет и я смогу наконец уехать из*

Академии». Но стоит произнести это про себя, как мне становится тошно. Доктора Коннера нет, потому что он *мертв*, и его смерть совершенно точно связана со *мной*.

Аш смотрит на меня чуть ли не виновато:

— Я знаю, что ты слишком многое пережила за последнее время, но ты ведь понимаешь, как важно, чтобы завтра все прошло гладко? Мы еще не на свободе.

У меня внутри все обрывается от этого «*мы*». Аш предложил поехать со мной и помочь отыскать отца. Вполне вероятно, что он заплатит за свою долброту собственной жизнью.

— Никто не должен догадаться, что мы уезжаем, — продолжает он спокойным тоном. — Веди себя как обычно. Пойди с Лейлой на занятия, пообедай в зале, позанимайся в библиотеке, как будто бы все *нормально*.

Я встречаюсь с ним взглядом. Не думаю, что эту школу вообще можно считать нормальной. Боюсь, у меня это на лице написано.

— Говоришь, я *слишком многое пережила*? Ну, тут ты здорово преуменьшил, — объявляю я, даже не думая скрывать, насколько мне не по себе. — Мне самой не верится, что буквально месяц назад я понятия не имела, что эта безумная школа вообще существует и что на свете есть всякие Стратеги. — Обвожу рукой гостиную. — Хотя я уже с десятков раз только чудом не погибла и меня лишь по счастливой случайности не обвинили в убийстве, мои мучения только начинаются, потому что за отцом прямо сейчас *охотится тайное*